

ность» критиков не расхолаживала, и шел он своим путем. Издатели и редакторы газет и журналов охотно всегда публиковали его статьи, не было случаев отказа. Он рад был тому, что был самостоятельным, не зависимым ни от какой партии и мог писать о том, что хотел. Темы у него рождались обильно, и многое он не успел осуществить, в частности, очень хотел написать книгу о русской деревне во время немецкой оккупации. Свидетелями этого времени мы были сами. Позднее мы всегда вспоминали с гордостью и благодарностью о героизме и патриотизме русского крестьянства в это страшное время».

⁸ Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения / Н. Ульянов // Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 145.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Ульянов Н. С. Ф. Платонов / Н. Ульянов // Ульянов Н. Спуск флага / Н. Ульянов. Нью-Хевен, 1979. С. 127.

¹¹ Ульянов Н. Памяти М. Алданова / Н. Ульянов // Там же. С. 145.

¹² Ульянов Н. Десять лет / Н. Ульянов // Ульянов Н. Скрипты / Н. Ульянов. Мичиган, 1981. С. 21.

¹³ Ульянов Н. Мистицизм Чехова / Н. Ульянов // Ульянов Н. Свиток / Н. Ульянов. Нью-Хевен, 1972. С. 17.

¹⁴ Ульянов Н. Застигнутый ночью / Н. Ульянов // Там же. С. 41.

¹⁵ Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 49, 53, 56, 59.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 68. О статье «Чехов в театре Горького» В. Сечкарев писал: «Она содержит глубокую интерпретацию Чехова под знаком его отношения к смерти; «Вишне-

вый сад» возводится, и как убедительно, в трагедию борцов за веру в красоту жизни, не уступающих до конца и разбитых под конец той другой, низкой жизнью, которая «прёт и побеждает» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. № 119. С. 263).

¹⁹ А. П. Скафтымов скончался в Саратове в 1968 г.

²⁰ Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе / А. П. Скафтымов. Саратов, 1958. 390 с. Вероятнее всего, в условиях железного занавеса экземпляры книги А. П. Скафтымова попали за рубеж (в том числе и оказались в поле зрения Ульянова) благодаря смелым и небезопасным по тем временам инициативам и хлопотам Ю. Г. Оксмана. В письме к Скафтымову от 24 декабря 1958 года Оксман сообщал: «...я был очень обрадован вашей книжкой, хотя ждал её уже давно, и она не явилась для меня неожиданностью... Мне хотелось бы, чтобы вы прислали мне два-три экземпляра для отправки за границу» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подгот. текстов А. А. Жук: публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. С. 281-282).

²¹ Ульянов Н. Чехов в театре Горького / Н. Ульянов // Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 80. Откликаясь на выход в свет сборника «Диптих», рецензент А. Небольсин сближает оценки чеховской драматургии, принадлежащие Н. И. Ульянову, с родственными суждениями А. П. Скафтымова: в статье «Чехов в театре Горького» Ульянов «показывает, что советский театр не понял Чехова, не понял «щемящий смысл бытового течения жизни» (выражение А. Скафтымова)» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 288-289).

²² Из письма Н. Н. Ульяновой В. В. Прозорову от 4 октября 1999 г.

УДК 271.2(470-89)«16»+929 Зизаний

ЛАВРЕНТИЙ ЗИЗАНИЙ И ЕГО КНИГА «БЕСЕДОСЛОВИЕ»

С.В. Клейменова

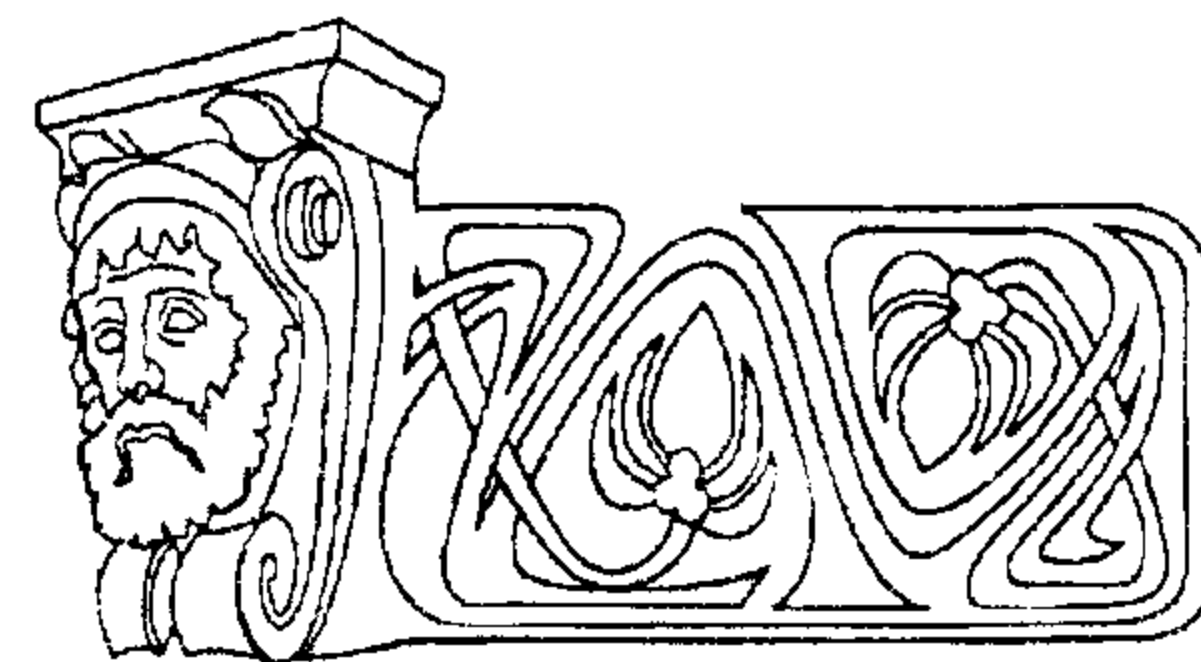
Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич,
отдел редких книг и рукописей
E-mail: ork@sgu.ru

Статья посвящена церковному писателю Лаврентию Тустановскому (Зизанию), бежавшему из Польши в Москву под покровительство патриарха Филарета. В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки хранится список составленного Зизанием «Катехизиса», переименованного патриархом в «Беседословие» в связи с изданием книги в Москве.

Lavrentij Zizaniij and His Book «Besedoslovije»

S.V. Klejmenova

The article is devoted to the writer of church Lavrentij Tustanovskij (Zizaniij) who has run away from Poland to Moscow under the protection of Patriarch Filaret. In the Department of Rare Books and Manuscripts of the Zonal Scientific Library there is the list of «Katekhizis» compiled by Zizaniij, which was renamed by Patriarch into «Besedoslovije» with the issue of the book in Moscow.

Имя Лаврентия Зизания, деятеля церкви, книжника, просветителя, хорошо известно историкам русской культуры XVII в. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится: «Зизаний (Лаврентий Тустановский) – протоиерей, известный западно-русский ученый. Первоначально был преподавателем в львовском братском училище, откуда в 1592 г. перешел в Брест, затем в Вильну, где в 1596 г. издал азбуку и славянскую грамматику; был воспитателем у князя Александра Константиновича Острожского в Ярославле Галицком. Переехав в 1626 г. в

Москву, он представил митрополиту Филарету рукопись своего катехизиса, с просьбой ее исправить. Патриарх поручил исправление богоявленскому игумену Илье и справщику Григорию Онисимову, причем по поводу некоторых спорных мест у Лаврентия Зизания было с ними собеседование, окончившееся отказом его от всех тех мнений, которые были заподозрены московскими цензорами»¹.

Филарет (в миру Федор Никитич Романов) был известен как ревнитель книжного дела, об этом говорит хотя бы тот факт, что за время его патриаршества из Московской типографии вышло печатных изданий больше, чем за все время русского книгопечатания от его начала. Избранный патриархом в июле 1619 г., он уже в 1620 г. возобновил типографию на старом печатном дворе, привлек к работе справщиков и основал знаменитую типографскую библиотеку.

«Как ни ограничен был личный школьный горизонт патриарха Филарета, – писал А.В. Карташов, – недостаточный запас церковных книг на фоне быстро развивавшегося в Европе книгопечатания Филарета, как здорового политика, очень беспокоил. Он понимал книжную скудость русской церкви и очень ревновал об ее восполнении. Время междупатриаршества было периодом увядания церковного книгопечатания. Филарет о нем возревновал. В одном предисловии к напечатанной при Филарете книге свидетельствуется о нем: «... зельною ревностию одержим быв к божественным книгам, повелел печатанию строиться беспрестанно и предавать книги по всей русской земле святым Божиим церквам»².

Другую важную задачу Филарет, сам побывавший в польском плену, видел в том, чтобы принимать в Москве бегущих из Польши православных книжников, гонимых за веру. Как раз таким и был протоиерей Лаврентий Тустановский, по прозвищу Зизаний, прибывший на границу с двумя сыновьями просить царя и патриарха о милостивом приеме, «ибо из Ярослава (Галицкого) поляки его выгнали, церковь его разорили и все имение у него отняли»³. К тому же брат Лаврентия Стефан, дидакал виленской братской школы, был известным борцом против унии.

Как уже говорилось, Лаврентий Зизаний приехал в Москву не только как гость, он привез с собой рукопись «Катехизиса», на-

писанного им ранее в Вильне, в надежде, что ее напечатают с разрешения и по благословению патриарха. Так и произошло. По напечатании состоялось собеседование с уточнением различных богословских вопросов, записанное с протокольной точностью. Исторически сложилось так, что во взглядах московской школы, закрытой от внешних влияний и строго консервативной, и западно-русской, латинизированной, существовал ряд расхождений. Расхождения касались и литургической практики, и, самое главное, вопроса о том, признавать ли новые греческие книги или нет. Собеседование Лаврентия с цензорами закончилось его отказом от некоторых положений, которые были высказаны им в книге и противоречили, с точки зрения патриарха и справщиков, догматам православия. Запись этих бесед (всего их было три) опубликовал один из виднейших историков русской литературы Николай Саввич Тихонравов (1815–1895) в 1859 г. («Летописи русской литературы», кн. 4, экземпляр с дарственной надписью издателя Н.П. Барсукову хранится в отделе редких книг и рукописей ЗНБ СГУ). Документ озаглавлен «Прение литовского протопopa Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса»⁴. Текст был издан по рукописи XVII в., написанной скорописью.

Опубликованный Тихонравовым список – интересный источник для изучения истории духовной культуры Московской Руси первой трети XVII столетия.

Список книги Зизания и так называемого «прения» есть и в рукописном фонде отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского университета. Эта лицевая рукопись конца XVII века, с двумя миниатюрами (инв. № 3362). Она озаглавлена «Книга глаголемая Катихизис, по литовски Оглашение, русским же языком нарицаемая Беседословие», написана полууставом, поступила в университет в составе книжного собрания Николая Платоновича Барсукова. В рукопись вклеено написанное мелким почерком письмо, сверху – запись карандашом: «Письмо Павла Ивановича Савваитова». Приведем текст письма:

«Достоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Благодарю усердно за доставленный мне случай познакомиться с Вашим Потребником. Он замечателен не по своему составу, а по редакции помещенных в нем статей, из которых есть некоторые не встречающиеся в других списках, а некоторые имеют свои особенности. Несколько я прочитал, а большую часть просмотрел мельком. Написание Потребника надобно отнести к XVI веку.

Надобно узнать мне – где продаст «Великий Устюг».

Не забыть бы адрес Лупифора Васильевича.

И «Потребник» и «В. Устюг» имею честь возвратить при сем Вашему Сиятельству.

Душевно преданный вам

П. Савваитов

Кусково, 2 сент. 885».

П.И. Савваитов (1815–1895) – известный русский историк и археолог. Какое отношение к рукописи имеет его письмо, адресованное графу Сергею Дмитриевичу (Шереметеву?), остается неясным.

Рукопись Н. П. Барсукова во многом отличается от списка, опубликованного Тихомировым. Первая написана полууставом, а вторая – скорописью. К особенностям письма списка, хранящегося в ЗНБ СГУ, можно отнести слитное написание предлогов со словами. Различия встречаются в написании фамилии справщика: «Анисимов» и «Онисимов». Более того, в списке Тихомирова Григорий Анисимов назван «Гришкой от книжные справки». Имеются и другие различия.

Список, обнаруженный Н. П. Барсуковым, украшают две замечательные книжные миниатюры. На одной из них изображены четыре человека в интерьере Нижней Палаты. Проиерея Лаврентия можно узнать в стоящем у стола со склоненной головой человеку с седыми волосами и бородой. Всего в рукописи 394 нумерованных листа. Переплет кожаный на досках с тиснением, обрез книги украшен тиснением.

Н. П. Барсуков, последний владелец уникальной рукописи, был знаком с Н. С. Тихомировым и имел возможность сравнивать оба списка. Знал ли о втором списке Тихомиров, – вопрос остается открытым.

Приведем фрагмент «Прения» по списку ЗНБ СГУ: «В лето 7135 [1627], февраля во 18 день, по приказу государя святейшаго патриарха, филарета никитича московскаго, и всеа россия, богоявленскому игумену илии, что на москве изза ветошного ряду, да от книжные справки, григорию анисимову, велено говорить с корецким протопопом, из литвы с лаврентием зизанием, о исправленных статьях из книги оглашения, которую он из литвы привез, своего слогу, и бил челом государю святейшему патриарху, чтобы ея исправил, а именована книга оглашение, и государь святейший кир филарет патриарх московский и всеа россия преименова ю беседословие, понеже оглашение есть книга, кирилла архиепископа иерусалимскаго, новокрещаемымся во иерусалиме, и единым именем многим книгам быть нелепо, и исправя государь святейший патриарх велел ея отдать протопопу лаврентию, а о тех статьях которые в ней несходны с рускими и греческими переводы, о божестве, и о воплощении и о святости господни, и о всяком действе христианскаго закона, а велено говорити любовным обычаем, и смиренном нравом, а говорить велено им с ним, на государеве казенном дворе в нижней палате, пред государевым боярином князем иваном борисовичем черкасским, да пред думным дьяком феодором лихачевым...» (л. 1–1 об.).

Судя по тексту «Прения», несмотря на множество спорных вопросов, детально обсуждавшихся, беседа действительно велась «любовным обычаем, и со смиренном нравом», а участники ее были образованными людьми своего времени, хорошо знавшими греческий язык. Справщики имели большой опыт работы с разными переводами, при необходимости обращались и к греческим оригиналам. Лаврентий Зизаний прекрасно знал латинский язык, имел опыт преподавания, написанный им «Катехизис» был далеко не первой его книгой. Выслушивая справщиков, он принимал их исправления, охотно соглашаясь. Согласился он и с новым названием своей книги, предложенным самим Филаретом – «Беседословие».

Поводов для богословских споров было, однако, немало. Первая беседа, состоявшаяся 18 февраля, закончилась тем, что «...игумен илия встав с книгою, и рек⁵ ему, да уш то де

ты лаврентий о том не кручинься, для того те статьи тебе объявлены, которые были в твоей книге непрямо написаны, и те все статьи государь святейший кир филарет патриарх московский и всея россии сам исправил, исправя велел напечатать, и напечатав тебе отдать» (л. 9 об.).

Завершилось же «прение» справщиков с Лаврентием так: «Потом мы паки рехом ему, скажи нам лаврентий что тебе еще с нами о сей книге говорити, есть ли речь тебе к нам, или нет, лаврентий рече всегда аз рад с вами беседовати, и лучшее избирати, а книгу аз государьского жалования всю проходил, и прилежно потрудихся при вас и без вас, и много просвещение души моей обретох, и дивлюся аз великой премудрости, православнаго государя святейшаго кир филарета патриарха московскаго и всея россии, каков разум, и каков смысл, какову великую богом дарованную премудрость имат в себе, как он государь толь великую книгу, а не в великое время учинил, воистину бог действует в нем, и взяв книгу к персем своим прикладывал, руками обжимал, и к себе прижимал, и любезно всюду ея целовал и потом прощение друг другу, со игуменом илиею давше и разыдошася с миром» (л. 23). Неоднократно употребленное местоимение «мы» позволяет предположить, что «прение» было записано одним из его участников.

А.В. Карташов видит историю с изданием «Катехизиса» так: «Доклад об этих беседах патриарху Филарету привел его в смущение. Если бы эти беседы были формой предварительной цензуры, было бы другое дело. А теперь это было, к сожалению,

уже по напечатании книги. Попутно патриарх сознал, что и самая форма книги Лаврентия, неведомый для Москвы «Катехизис» и ее содержание должны играть исключительную роль в богословии, и что без соборного суждения такую книгу пускать в ход нельзя. И дал приказ не выпускать книгу из типографии. Она там и осталась до новых переделок, и в данном Лаврентию виде она сохранена лишь в нескольких экземплярах и без выходного листа. Этот опыт с публикацией новой богословской книги обнаружил школьную немощь Москвы»⁶.

Как бы то ни было, нельзя не согласиться с тем, что «явно это была форма милостыни гонимому за православие русскому брату из Литвы»⁷, а вывод, к которому пришли в итоге патриарх и московские книжники, заключался в осознании необходимости учреждения школы на Руси. Само же «Прение...» осталось в истории русской духовной культуры как интересный исторический документ.

Примечания

¹ Зизаний В. П. / В.П. // Энциклопедический словарь: в 82 т., 4 т. доп. / под ред. И. Е. Андриевского. СПб., 1894. Т. 12 а. С. 585.

² Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. М., 1997. Т. 2. С. 99–100.

³ Там же. С. 103.

⁴ Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса // Летописи русской литературы и древности. издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Кн. 4. С. 80–100.

⁵ В списке, опубликованном Тихонравовым, используется форма: «рекл».

⁶ Карташев А. В. Указ. соч. С. 106.

⁷ Там же. С. 103.

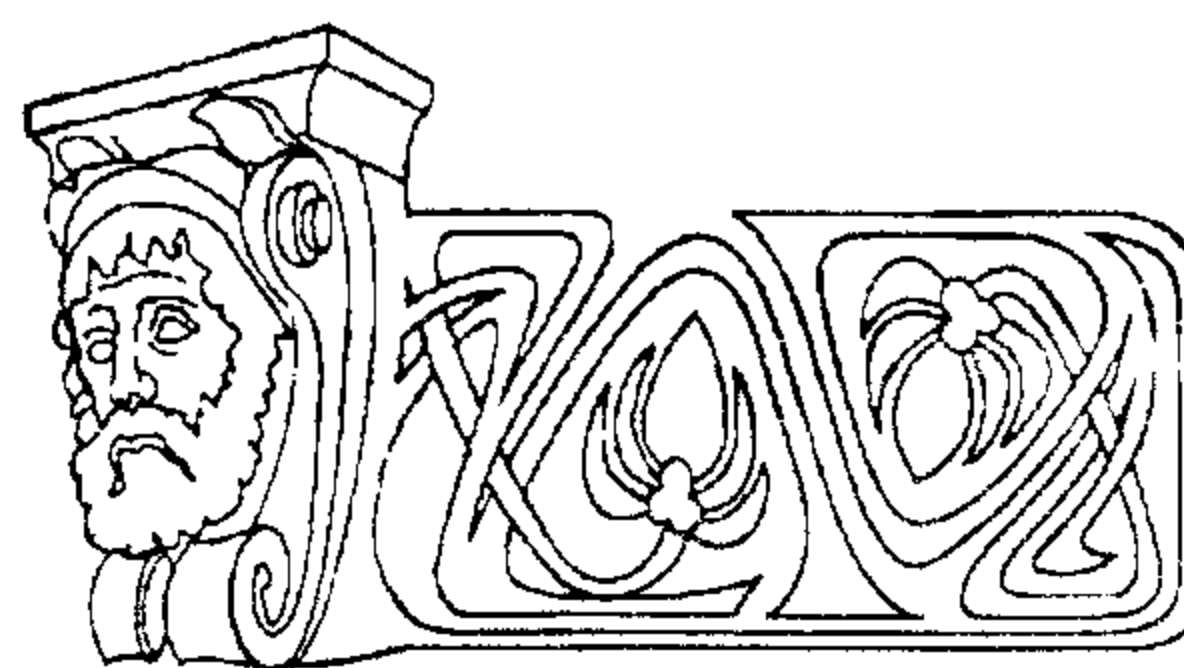
УДК 882.09-6 + 929 [Гоголь+Пушкин]

ОБРАЗ ПУШКИНА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ

Г.А. Гришин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: ggri@yandex.ru

В статье анализируется целостный образ А. С. Пушкина, заключенный в переписке Н. В. Гоголя. На материале всего гоголевского эпистолярного наследия прослеживается эволюция образа поэта, определяются его доминантные черты и черты, изменяю-

щиеся в зависимости от контекста письма. В ходе работы выделяются периоды, в границах которых характер обращений к образу Пушкина у Гоголя может быть целостно и однозначно описан.